

* * *

Когда Алма-Ату карагачи
сиюминутным золотом омыли,
мы яблоко с тобою преломили

душистое в густеющей ночи.
Глубинами осенней немоты
мы – прежние, но зрелости согласно
былого нет у яблока соблазна,
и нет Алма-Аты – есть Алматы.

Как под напором селевой воды,
что движется безмолвно и упёрто,
не только легендарного апорта
не уцелели многие сады.
Но снова темноту и немоту
года переступают осторожно,
когда всё было ясно и возможно –
лишь лёгкая оскомина во рту...

* * *

Не пой, красавица, при мне...

Не пой, молодая, при мне
ты песен о старой войне –
бурьяне, тумане и пыли...
С почти вековой глубины
едва различимо слышны
далёкие боли и были.

Окатыши горьких побед,
и мы уже таем на нет
на бруствере тысячелетья,
поросшие мохом-травой...
А вслед за второй мировой
проглядывается третья.

И, как в неурочный Покров,
поверх городов и голов
потомков, безвестно любимых –
не ангелы, не мертвецы,
но вечно живые бойцы
из давних семейных альбомов.

Мол, братья, кончай ночевать:
не время ещё почивать,
пролёживать Боговы лавки –
пора собираться опять
в небесную русскую рать
из необратимой отставки...

Бог знает: пора – не пора.
Опять холодают ветра,
а думали: лето в кармане...
Мелодия, вроде, проста,
да не удаётся с листа,
но если душа не пуста,
мы вместе споём о тумане.

* * *

Ночь, соединяющая с небом
дымное дыхание своё,
Усть-Сысольск заваливает снегом,
Сыктывкар затапливает снегом,
словно снег рождается из неё,
словно у невидимой границы,
обведённой светом фонаря,
он неприкасаемо хранится
втуне до святого января,
а потом струится без останка
россыпями первовещества...

Ночи этой летняя изнанка
тоже незапятнанно чиста,
но судьбы вершина или комель,
а порою заметённых кровель –
догадайся, добрый человек,
встретить зиму – русскую ли, коми ль –
в городе встречающихся рек.

* * *

У крайнего сибирского кремля
в гортанной глубине материковой
почувствую: колеблется земля –
по колыханью нити родниковой.
То не из вражьих сопредельных стран,
а из утробы мнения и суши
идёт холодный зверь левиафан
и гложет неприкаянные души...

Но пресечётся выстуженный срок –
не рви с груди отчаянно рубашку:
придёт весёлый зверь единорог
и приведёт горбатого коняшку,
и так душевно станет во плоти
сойти на человеческие мерки,
скользя на тектонической плите,
как сёрфер по прибою на фанерке.

* * *

На дорожки-ремешки
утро напролёт
дворник сеет камешки
во голимый лёд.
Время не примерное,
семена не те –
не взойдут, наверное,
в каменной воде.

Но всего заранее
не уразуметь –
длинное дыхание
надобно иметь
да жалеть минутою
после без конца:
что ж не оглянулся-то,
не признал лица?

В золотом жерновке на руке перемелется жизнь, не хрустя –
прохлаждаться не надо, да незачем и в огород торопиться...
Плоть от жилистой плоти устроивших город железа живучих крестьян,
временами отец говорил нам: учите язык – пригодится.

Что он знал о Востоке и Западе, дальше Болгарии не побывав,
сыновьям на дорогу какие раздумывал верные метки?
В родовом почитании отчества или на собственный разум и нрав
я по юности ранней довольно умел по-немецки.

Но живая вода выгибает и сносит затворы лежащих плотин,
глину лижет и камень грызёт после вешней оттайки...
Обе дочери знают английский, а младшая – греческий и латынь,
а учить, получается, следовало китайский.

Да не время метаться, и некуда, и не к лицу,
словно юркие стайки у края земли начинающих рыбок...
И всего-то вдогонку могу я сегодня ответить отцу,
что по-русски пишу, говорю и читаю почти без ошибок.

Поменяла весна времена и цвета –
молодая листва на просвет золота:
невесомую дымку едва окропил
осторожною прозеленью хлорофилл.

Да не долгую пору она молода,
а покуда черёмуховые холода,
и ладони живой чешуи листовой
над землёю древесною и кустовой
непреренно сомкнутся ступенью
между яростным светом и тенью.

Ибо всё в равномерном пути бытия
обращается снова на круги своя,
но – всегда в кулачке зажимая
лоскуток золотистого мая.